

Знак
п. 67

16

Лоды пяти веков

Поэты пяти веков

Казахская поэзия
XV-начала XX
веков

АЛМАТЫ
«ЖАЗУШЫ», 1993

Поэты пяти веков

Казахская поэзия
XV-начала XX
веков

АЛМАТЫ
«ЖАЗУШЫ», 1993

ДУЛАТ

Дулат Бабатай-улы родился в 1802 году в нынешнем Аягузском районе Семипалатинской области в семье бедняка. Все его образование ограничивалось учебой у аульного муллы, однако, живя в краю, где поэтическое искусство ценилось как особый дар, впитав все лучшее из наследия предшествовавших поэтов, из древних исторических преданий и эпических сказаний, Дулат стал одним из образованнейших людей своего времени. Рано вступив на путь искусства, Дулат вскоре занимает место в ряду самых известных поэтов Казахстана середины XIX века. Поэт скончался в 1871 году у себя на родине, до конца своих дней окруженный большим почетом и славой.

Сборник стихов Дулата впервые был издан в 1886 году в Казани. В годы Советской власти произведения поэта неоднократно печатались в сборниках, хрестоматиях, входили в антологии казахской поэзии.

* * *

О, вершин этих горных гряд,
О, степное кочевье отцов,
Где трава была мягкой всегда
На заре и в росе вечеров,
Где ручьев бушевала вода,
Где так много в предгорье лесов
И широких для пастбищ долин!
Степь, наследие дедов, отцов,
Я, тобою взлелеянный сын,
Всю отдать тебе душу готов.
Как над озером птица кызгыш,
Мысль к тебе устремляет полет.
И когда на джайляу глядишь,
То душа от восторга поет.
Но лишь вспомню о бедах твоих,
Я печален, лишаюсь я сна,
Грустно думать о людях былых,
Что когда-то в степях кочевых
Жили в давние те времена.
Я мечусь, и покой мой далек,
Я— рога обломавший бычок.

Что же делать, несчастный казах,
В мире, где все к плохому идет:
Каждый — плут, хан коварен в делах,
А батыр себе выгоды ждет.
Жены лгут, бай корыстен, лукав,
И старейших джигиты Не чтут,
И капризен у девушек нрав,
И ленивый стал каждый верблюд.
Дичь пуглива, а конь чуть живой —
Все неверно и все как в бреду,
Счастье бросило край наш родной.
Так куда же теперь я пойду?

О, вершин этих горных гряда,
О, пристанище дедов, отцов!
Здесь ручьев бушевала вода,
Разливаясь по телу лугов.
Здесь умели растить жеребят.
И здесь, тая во рту, на зубах,
Пахло медом мясо ягнят.
Степь тебе все дарила, казах,
Здесь паслись и жирели стада,
Но иные настали года,
Речь твою затянула узда,
Бай тобой помыкает всегда.
Волостных выбирает обман,
И о правде забыл их совет,
Где бесчинствует грубый горлан,
А в мужчинах достоинства нет,
Занимающих ум у бабья...
Где же лучшего ждать нам житья?

СУЛЕЙМЕНУ

У него копьё висит на стене,
Позументом украшено и тесьмой,
У него и в грозной белой орде
Есть кинжал с рукояткою золотой.
И в парчовый халат запахнулся он,
Из серебряной чаши кумыс он пьет.
Я сначала отдам ему поклон,
Чтоб почтить его знаменитый род.
Сулейменом властитель мой наречен,
У него в руках большая власть.
И не даст он врагу на степь напасть.
Если б нас не хранил он от невзгод,
Разве стал бы его почитать народ?

Ловчому ястребу гон не впрок,
Если он может в кустах застрять,
И для чего тебе тот стрелок,
Что не умеет ружья держать?
Как же того батыром назвать,
Кто не посмел на врага скакать?
Чуждых народу не назовешь
Славы достойными сгоряча,
Меч только тот в бою хорош,
Что успевает рубить сплеча.
Разве тебе будет другом тот,
Переступивший порог жилья,
Кто с улыбкой к тебе войдет,
А выйдет, зло на душе тая?

Разве жыршы может стать творцом,
Если творит не своим умом,
Если стихи он крадет как вор?
Слово — нить шелка, а стих — узор.
Нужен всегда узор для ковров,
Красноречивым тому не быть,
Кто не находит нужных слов,
Чтобы соперника победить.
Разве Дулатом будет Дулат,
Если слова его, как водопад.
Камни ворочая, не гремят?

Слушай слова мои все подряд,
Все, что в стихах здесь излил Дулат.
Только сумеешь ли ты постичь
То, что в них глубже морей стократ?
Здесь на почетных сидят местах
Те, кому ты внушаешь страх,
Только они не страшны врагам,
Народ их не любит, ты знаешь сам.
Когда же к тебе придет Дулат,
Они не посадят его в свой ряд.
Ты огляди всех, кто собран здесь:
Много ль среди них достойных есть?
Этот — известный всем людям глупец,
Этот — тупица, надменный лжец.
После того как пошло все не так
И окончили жизнь Аккожа, Актайлак,
Руки совсем развязали ворам,
К ним относясь как к ближайшим друзьям.

Знатен ты родом, могуч и богат,
Я тебе — родич, по крови собрат.
Облик твой грозен, но прям ты душой,
Общий нам корень, тюре,— золотой.

Ты для аулов и ближних родов —
Золото мудрых решений и слов,
И справедливости ты образец,
А для сородичей — власть и отец.
Честность твоя, справедливый твой гнев —
Как сыбызгы всем понятный напев.
Если посмеют тебя раздражать,
Можешь сдержаться ты, камнем молчать.
Где бы нашелся властитель другой,
Кто бы народ так умел опекать,
Кто бы так твердо владел бы собой,
Тайны чужие умел сохранять?
Слишком ты рано явился на свет,
Но что же делать, раз мир таков?
Живешь ты в заботах, а друга нет,
Кто защитит бы мог от врагов,
От скрытой злобы и тайных слов.
Льешь ты слезы в пору невзгод.
Казахи — миролюбивый народ,
Но где же теперь он покой найдет?
Если б нашелся и врач для нас,
Все ж исцеления он не даст.
Люди что стадо бодливых коров,
Всех их связать не хватит узлов.
Может быть, вовсе напрасен твой труд?
Силы уходят, а годы не ждут.
Бурное море проплыть поперек
Только корабль оснащенный бы мог,
А однопарусный гибнет челнок.
Думай о доле народа всегда
И не ленись для благого труда.
Цель настигая, гони скакуна,
Тут ему всадника помощь нужна.
Знай только меру — промерзнувший рог
И у оленя сломаться бы мог.
Семидесятый пошел тебе год,
Кровь твоя медленней в венах течет,
Сил уже в мускулах недостает.
Если в начальстве согласия нет,
Жизнь подчиненных похожа на бред.
Люди в аулах доходят до драк,
Так и грызутся не хуже собак.
Русский чиновник в аул завернет —
Женщин смирней себя держит народ.
Только уйдет он, не минет и дня —
Снова шакаля начнется грызня.
Ходит и ждет перемены Дулат,
Сам он себя обманывать рад:
Верит во что-то — и все невпопад.

Что за повеса ты, родич мой!
 Смех и безделье — все время с тобой.
 Надо ль, не надо, на спор ты идешь.
 Как мне сдержать твои сплетни и ложь?
 Самонадеянный беркут, как быть,
 От хвастовства как тебя отучить?
 Лесть всем приятна, и все же она
 Лишь слабодушным бывает нужна.
 Умный тех слов никогда не возьмет —
 Все они только овечий помет,
 И подбирать их — напрасный расчет.

Нету у слов настоящей цены,
 И над отцами смеются сыны,
 Умным советам внимать не хотят
 И на ошибки свои не глядят.
 Нос от хозяйства воротят они,
 Сплетничать любо им целые дни,
 Смотрят, в чьей юрте есть лучший кумыс,
 Тотчас туда они все собрались,
 Любо им всем — пустословье, не ленись!
 Из-за скота между братьями спор,
 А у завистливых жен их — раздор,
 Все перессорились здесь с давних пор.
 Вот протекло уже множество лет,
 Но для казахов покоя все нет,
 А от бывшего растаял и след.

Скот для казахов — судьбы лучший дар.
 Все их желанья — красный товар.
 Кровь простаков бай пивкою пьет,
 А если суд он вершить начнет,
 Тут уж владыка он из владык.
 Не угостишь — не пройдет и дня,
 Как заберет он чапан, коня.
 Бай обирать нас давно привык.
 Больше учтивых не слышно речей,
 Вежливость стала уже не нужна,
 Ссорятся сваты из-за костей,
 Спесь то и дело в осанке видна.
 Добрых же дел и в помине здесь нет...

Если не дашь — станет близкий врагом,
 Если не дашь — пожалеешь потом,
 Все для тебя обернется лишь злом.
 А коль ступила беда на порог,
 Горьким покажется каждый кусок.

Девушки с челкой — в коней вороных —
Нравом строптивей верблюдиц иных.
Мать ей прикажет — услышит лишь «нет»!
Тетка прикажет — лишь прыснет в ответ
И убежит — не отыщешь и след.

С прежним покоем расстался народ,
Впрок и хозяйство ему не идет.
В вечной борьбе теперь бай и бедняк,
А примиритель их — плут или враг.
Скот пропадает, бродя наугад,
Не запахнуть уж раскрытый халат.
Верить ли тем, кто хоть раз обманул,
Люди жить в дружбе уже не хотят —
Вот до чего опустился аул.

Кто б верный путь указал нам скорей?
Долго ль еще справедливости ждать?
Сплетни здесь ссорят и верных друзей,
Чтобы нарочно пожар раздувать.
Умные люди упали в цене,
А дураки вздоржали вдвойне.

Ой, хан Барак, молодой Барак,
Сыт ты по горло и пить не дурак.
Власть только та нам дорога,
Что нас не режет ножом врага.
Волк, загрызший овцу, бежит,
Плохая собака на кровь спешит,
Тушу она до конца разорвет.
Хороший же пес, хотя и не сыт,
К такой добыче не подойдет.

Беки, которым досталась власть,
Кровь почуяв, на нас напасть
Спешат, разевая волчью пасть.
Что ни властитель у нас, то враг.
Чем они лучше плохих собак?
Стоит увидеть добычу — и вот
Алчность всю душу у них возьмет.
Стоит властителям сесть на коней,
Думы, что озера были светлей,
Гаснут во мне, я как печь без углей.
Абульфеиз, славный предок твой,
Соколом сел на престол золотой.
Прежде батыры, крепки и сильны,

Стройных тулпаров пасли табуны,
В твое же правление, хан Барак,
Клыкастый и алчный зверь Барак,
Все туленгуты, как лютый враг,
Зачинщики всяких ссор и драк.

Был в старину этот трон золотым,
Теперь деревянным он стал и гнилым.
Самоуправствует твой туленгут,
Слуги твои бесчинством своим
Душу народа на части рвут.
Ханом ты стал, справедливость казня,
Разум теряешь ты день ото дня.
Злость и досада терзают меня.
Разъединил ты волов под ярмом,
Добрую землю пахавших вдвоем,
Слуги твои все засеяли злом.
Дал ты курук для подмоги вору,
Честные впали в немилость твою.
Всех растоптал ты, кто бедно живет,
И поддержал лишь имеющих скот.
Ты горлодеров не прерывал —
И покровителем сплетен ты стал.
Зло ты лелеял и всюду растил,
Сразу стал царским чиновникам мил.
Скоро ли сгинет, жестокий хан,
Черный, обрызганный кровью капкан,
Что людям тобой на погибель дан?
Нет у тебя о народе забот,
Сан тебе власть над народом дает,
Ты же совсем для нее не рожден,
Прадедов славных теряешь ты трон.
Грозный враги замышляют удар,
Запад, Восток преграждают кольцом.
Предок чистейший был крови тулпар,
Ты не пошел его славным путем.
Как же теперь не смеяться нам,
Если в капкан ты попался сам?
Ты возлюбил и почет, и хвалу,
Не различаешь, кто плох, кто хорош,
Взятки со всех то и дело берешь
И потокаешь всемерно злу.
Дух своих предков ты осквернил
Тем, что несчастным правителем был.
Головорезов толкнув на разбой,
Сделал ты их своей правой рукой.
Грابتь вора ты позволил народ,
Ложь надо всеми ты сделал судьей.
Что ж! Пусть и дальше все так же идет!

Спроси, кто судьбою мне в предки дан,
 Скажу — я из древнего рода найман.
 Спросишь меня о стихах моих,
 Скажу я — из слитков они золотых.
 Спросишь еще о душе моей,
 Отвечу — она словно чистый ручей.
 И если страдает душа моя,
 Стихами ее омываю я.

Слушайте все, как поет Дулат,
 Песнь его ливнем летит на свет,
 Поток в половодье и водопад.
 Стих его сладостен, как шербет.
 Он — утешитель для слуха тех,
 Кто собрался на великий той,
 Знатных, незнатных, радует всех
 Он перед этой большой толпой.

Долгую скачку выдержу я,
 Пусть с меня льется, горячий пот,
 Твердо всегда я верю в себя,
 Прямым путем я лечу вперед.
 Я бодр, как тулпар, мой ровен скок,
 Широкогруд я и крепконог.

Своим стихом в дугу я гну
 Скупца, что все время копит скот,
 Его сумасбродку, хвастунью жену,
 И бия, что взятки со всех берет.
 Слово мое — беспощадный кнут
 Беку, зачинщику всяких смут!

Тех утешаю я, кто угнетен,
 Радость утратил и мирный сон,
 Кто от невзгод своих стал слепцом,
 Тех, кто терпеть обречен произвол,
 Чьи слезы таким проливались ручьем,
 Что мокрым от них стал халата подол.

Могу одарить я светлым умом,
 Могу я усталым прибавить сил,
 Я кладезь, наполненный чистым стихом,
 Чтоб каждый им жажду свою утолил.
 Пусть слушают люди, весь народ,
 Меня только юный душой поймет,
 Вникать не устанет поэта словам.
 Кто мудрости издавна предан и сам.

Как дар, что для свадебных нужен пиров,
Я здесь рассыпаю жемчужины слов,
И речь настоящих поэтов права,
Наполнены смыслом всегда их слова,
Стрела их по цели без промаха бьет,
Откуда стрелок ее с лука пошлет.
Но разве с парчою возможно сравнить
Торгашеской бязи непрочную нить?
Так золото с цинком и медью сплавлять —
И силы, и время напрасно терять.
Жемчужины слов, неба избранный сын,
Я здесь, пред людьми, рассыпаю один,
Словом своим вдохновленный акын.

Жажду страдающих я уголю,
В тело уставшее силы волюю,
Духом упавших я ободрю,
Вслед за собой увлеку я народ,
И, начиная песню мою,
Я водопадом низвергнусь с высот.

Люди земли несчастливой у нас
С шага сбиваются каждый раз,
Ленивый себя скороходом мнит,
Злой клеветник и завистник притом
Хочет считать себя хитрецом,
А у народа спина болит.
Легкий груз тяжелеет в сто крат,
Хромает народ, и ноги болят.

Терпит беду от султанов народ.
Каждого в ужасе дрожь берет.
Аткаминеры — исчадь бед,
Дружно они на добычу летят,
Брюхо набьют, и каждый рад,
И до народа им дела нет.

Каждый смутьян стал батыром — глядишь,
Уткую — жалкая птица кызгыш,
Ястребом — малый пугливый дергач.
Чванный бездельник — умелый делец,
Что ни пичуга — то сокол-ловец.
И выдают за тулпаров всех кляч.
Даже дворняга у хвастуна
Гончей собакою названа.
Если-богач с порученьем пошлет,
Низким угодничеством одержим,
Хвост поджимая, бежит подхалим,
В страхе богатые держат народ,

Только и сами дрожат перед ним.
Так и стараются у бедняка
Взять и единственного телка,
И на любого из этих телков
Десяток зарится пысыков.
Расходы — куда ты ни поглядишь:
Для богатея и бедняка
Одни и те же налоги с крыш,
А доля народа всегда тяжка.
И прежний покой ушел, как река,
Солончаки даны для житья,
С водой, непригодной для питья.
Довольным остался только бай —
Добра от него ты не ожидай.
Худшие люди — беки сейчас,
Ложным путем ведущие нас.

Разве красива гор высота,
Если там пастбищ нет для скота,
Если в долинах под крутизной
Нету несмятой травы густой?
Разве красива река, когда
Нету аула на берегу,
Где бы могли пастись стада.
Травку пощипывая на лугу.
Разве красив тот край земли,
Где не найдешь чистых озер,
Чьи широко воды легли,
Так, что не может измерить взор.
Разве аул красив и богат,
Если в нем тысячи нет коней,
Нет от скупого бая нам
Пользы, несчастным и беднякам,
Если не видит он наших бед,
Если он скуп только, нам во вред,
Если он думает лишь о том,
Что бы купить и продать потом.

Жадности бая меры нет,
Он захватить бы хотел весь свет.
Нет нам и пользы от тех красот,
К каким влечется лишь сумасброд.
Гордец, он себя лишь красавцем мнит,
Красуется он, забывая стыд.
Что пользы от баев и беков там,
Где не дают они бой врагам?

Баи не жарятся в нашем аду,
Не мерзнут, как мы, терпя беду.
Нет пользы от тех батыров степей,
Что так и не выйдут из забытья,
Не сядут на рвущихся в бой коней,
Не схватят отточенного копья,
Не ринутся ястребом гончим с рук
И не натянут тугой свой лук,
Чтоб враг разбитый бежал от них,
Не защитят сыновей своих.
Разве в груди тех батыров есть
Огонь, который рождает месть?
О главном сейчас пусть речь идет.
Где, сердцем внимающий мне, народ?
Где те, что способны возглавить род?

Султаны, старейшины, беки, знать,
Вам только б в могилу нас всех загнать,
Глумясь над народом, его терзать!
Но раз наша сила ушла из рук,
Что пользы от наших стенаний, мук?

ШЕРНИЯЗ

Шернияз Жарылгас-улы родился в 1817 году в нынешнем Уилском районе Актюбинской области. Поэтический талант его проявился очень рано. Будучи совсем юным джигитом, Шернияз участвовал в повстанческом движении Исатая. После поражения восстания молодой поэт, разыскиваемый властями, не найдя другого выхода, приходит с повинной к самому султану Баймухамеду. Несмотря на свое положение повинившегося бунтаря, Шернияз высказывает в лицо палачу восстания все, что он о нем думает, и спасается от неминуемой казни только благодаря своему высокому поэтическому мастерству и таланту.

В творениях типичного представителя степной поэзии Шернияза нашли отражение традиционные для казахских импровизаторов качества: прямота, находчивость, смелость, красноречие.

Шернияз умер в 1881 году на родине.